

оказали влияние и перемены в составе членов кружка). Большинство понимало, что на старых позициях оставаться нельзя, между тем как новый путь не был еще найден. ПЛК переживал кризис. Популяризацию «нового учения» о языке следует расценивать прежде всего как дезориентирующий и задерживающий момент в развитии кружка. Нужно, однако, признать, что в самой теории структурализма есть черты, которые могли облегчать влияние на него «нового учения» о языке, например признание «языковых союзов».

Началом действительной критики, ставшей возможной только после выхода в свет трудов И. В. Сталина по языкознанию, можно считать ряд критических и самокритических выступлений и статей, опубликованных во второй половине 1951 г. в журнале «Tvorba»⁹⁶. Поскольку влияние структурализма не ограничивалось лишь областью языкознания, появились статьи о структурализме в литературоведении, литературной критике, эстетике. Критика, к сожалению, не была закончена, не были подведены итоги и не были приняты какие-либо конкретные решения⁹⁷. Тем не менее уже эта первая критика убедительно показала несостоятельность, порочность структуральной теории. Для преодоления всех недостатков и успешного развития науки о языке необходимо, конечно, не только довести лингвистическую дискуссию до конца, но и настойчиво овладевать марксистской методологией.

Глубокое усвоение работ И. В. Сталина по языкознанию, представляющих собой стройную систему марксистского языкознания, систематическое изучение трудов классиков марксизма-ленинизма, борьба с идеализмом в языкознании, углубленное критическое освоение лингвистического наследства, использование опыта самой передовой в мире советской науки, связь с практикой и разработка конкретных языковедческих вопросов, самокритическое и требовательное отношение к своей работе — вот, как нам кажется, основные условия успешного развития чехословацкой лингвистики вообще.

В дальнейшем развитии чехословацкого языкознания большая роль, несомненно, принадлежит Чехословацкой Академии наук, которая будет органом, объединяющим и направляющим силы всех чехословацких языковедов к единой цели — к созданию марксистского языкознания.

О. Лешка

НОВАЯ ПОПЫТКА ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

(По поводу статьи Вл. Георгиева «Опыт за периодизация на историята на българския език», «Известия на Института за български език», кн. II, София, 1952, стр. 71—116).

Проблема периодизации истории конкретного языка — одна из важных и вместе с тем очень трудных проблем языкознания. В свете основных положений марксистского учения о языке должны быть критически пересмотрены старые схемы периодизации истории языков, должна быть выработана такая периодизация, которая опиралась бы не на случайно выхваченные внешние признаки, а на существенно важные, глубинные процессы в историческом развитии данного языка и которая, таким образом, правильно отражала бы его действительную историю. Работа над этими во-

⁹⁶ См. P. S g a l l, *Stalinovy práce o jazykovědě a pražský lingvistický strukturalismus*, «Tvorba», R. XX, č. 28, Praha, 1951, стр. 674—676; Fr. Tr á v n í ě k, *Strukturalismus — nepřítel naší jazykovědy*, «Tvorba», R. XX, č. 37, стр. 893—894; V. B a r n e t, «Tvorba», R. XX, č. 38 (на обложке); J. M u k a f o v s k ý, *Ke kritice strukturalismu v naší literární vědě*, «Tvorba», R. XX, č. 40, стр. 964—966; J. B ě l i ě, *Překonáním strukturalismu k marxistické jazykovědě*, «Tvorba», R. XX, č. 41, стр. 987—989; V. S k a l i ě k a, *Ke kritice strukturalismu*, «Tvorba», R. XX, č. 42, стр. 1011—1012; Fr. B u r i á n e k, *Poznámka k diskusi o strukturalismu v literární vědě*, «Tvorba», R. XX, č. 44, стр. 1059; Fr. Tr á v n í ě k, *Strukturalistická typologie jazyková*, «Tvorba», R. XX, č. 47, стр. 1125—1126; V. B a r n e t, *Ke kritice strukturalismu v naší jazykovědě*, «Tvorba», R. XX, č. 49, стр. 1177—1178; V. S k a l i ě k a, *Ke kritice t. zv. typologie jazyků*, «Tvorba», R. XX, č. 49 (на обложке); M. N o v á k, *Ke kritice strukturalismu v české estetice*, «Tvorba», R. XX, č. 52, стр. 1252. — Довольно подробно на дискуссию останапливается Н. А. Кондрашов (см. «Вопросы языкознания», 1952, № 4, стр. 109 и сл.).

⁹⁷ Нужно заметить, что большим недостатком является и то обстоятельство, что дискуссия совсем не касалась вопросов словацкой лингвистики, хотя в связи с вопросом о структурализме развитие словацкой лингвистики представляет особый интерес

просами только начинается. Рецензируемая статья болгарского академика Вл. Георгиева представляет несомненный интерес как одна из первых попыток такого рода.

В начале своей статьи автор справедливо указывает на неудовлетворительность общепринятого деления истории болгарского языка на три периода (древнеболгарский — до XI в. включительно, среднеболгарский — от XII до XIV или XV в. и новоболгарский — от XV или XVI в. до настоящего времени), целиком соглашаясь с уже выдвигавшимися в науке возражениями против этого деления¹. По мысли автора, правильная научная периодизация истории языка возможна только на основе следующих трех принципов: 1) выявления старого и нового качества в развитии данного языка с учетом марксистского положения о постепенном накоплении элементов нового качества, новой структуры языка и постепенном отмирании элементов старого качества; 2) выявления внутренних законов развития, действующих в данном языке; 3) учета неразрывной связи между историей языка и историей народа — его творца и носителя (стр. 73)². Традиционная периодизация истории болгарского языка, сложившаяся, в основном, в середине XIX в., естественно, не отвечает этим принципам.

Развивая далее второе из указанных положений, автор останавливается на проблеме основного закона развития языка. Он пишет: «В своем последнем труде „Экономические проблемы социализма в СССР“ И. В. Сталин указал, что одна общественно-экономическая формация не может иметь несколько основных экономических законов, что она может иметь лишь один основной экономический закон, именно как основной закон. Сталинское положение об основном законе, действующем на протяжении определенного периода общественного развития, показывает нам, как важно для исследователя в любой научной области уловить в беспорочном многообразии связей и взаимозависимостей основную, определяющую закономерность. Это сталинское положение имеет для нас, лингвистов, огромное методологическое значение. Не ставя знака равенства между основным законом в политической экономии и основным законом в языкознании, надо подчеркнуть, что подобные законы действуют и в языке на протяжении определенных периодов его развития» (стр. 75—76). Именно результаты действия такого основного закона развития языка и должны, по мнению автора, послужить основным критерием при решении вопроса о его периодизации.

Какие же выводы делает автор из этих своих общих положений конкретно для периодизации истории болгарского языка? Основной внутренней закон, характеризующий развитие болгарского языка, он определяет как «движение от синтетического строя к аналитическому» (стр. 76). Автор подчеркивает далее, что это движение не есть какой-либо универсальный закон развития языка вообще, как утверждали Есперсен и другие буржуазные языковеды, а есть частное явление, наблюдаемое в истории лишь некоторых языков — болгарского, английского, персидского, французского и некоторых других (стр. 80). Соответственно и причины этого движения заключаются не в мнимом «превосходстве» аналитического строя над синтетическим — в действительности оба строя вполне равноценны, — а в конкретно-исторических условиях развития данных языков в связи с историей соответствующих народов.

Для болгарского языка основной причиной падения синтетического склонения и вообще перехода к аналитическому строю было, по мнению автора, интенсивное взаимодействие с соседними языками, в первую очередь с румынским и среднегреческим, и ассимиляция многочисленного иноязычного населения (стр. 81, 95 и др.). Уже в период с VII по X в. происходит ассимиляция сначала фракийцев [что, впрочем, по мнению автора, не сыграло сколько-нибудь существенной роли (стр. 81)], а затем тюркоязычных протоболгар. Этот процесс создал в северо-восточных болгарских говорах «начальные условия для легкого, еще незначительного расшатывания синтетического строя» (стр. 90). Значительно более важную роль сыграли происходившие позже, в XI—XIII вв., процессы ассимиляции печенегов, узов, куманов и, отчасти, романизированного и грецизированного населения, жившего на полуострове вперемежку с болгарами, как и процесс воздействия греческого и румынского языков (помимо условий этнического смешения) в обстановке «византийского ига» (1018—1187 гг.).

«При ассимиляции многочисленного иноязычного населения, — пишет Вл. Георгиев, — синтетические формы победившего языка обыкновенно распадаются» (стр. 95). К тому же греческий и румынский языки того времени, пишет он, уже имели трехпадежную (хотя и не тождественную в обоих этих языках) систему, что способствовало сведению и в болгарском языке числа падежей к трем (в местоимении) и отмиранию прежде всего таких падежей, как местный и творительный, т. е. падежей, совершенно чуждых языку окружающей романо-греческой среды (стр. 84). Попутно Георгиев отмечает, что некоторую, впрочем второстепенную, роль могли здесь играть и внутрен-

¹ См. С. Б. Бернштейн, К вопросу о периодизации истории болгарского языка, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1950, вып. 2, стр. 108—118.

² Здесь и в дальнейшем в тексте в скобках даны ссылки на страницы рецензируемой статьи.

ние процессы, происходившие в самом болгарском языке,— фонетическое выравнивание некоторых окончаний, усиленное использование предлогов, часто делавшее падежное окончание излишним.

Элементы нового качества, т. е. аналитического строя, накапливались в языке постепенно, говорит автор. До конца XIV в. преобладали еще элементы старого качества (стр. 104). На этом основании автор расширяет рамки древнеболгарского периода, включая в него все развитие болгарского языка до XIV в. включительно. Внутри древнеболгарского периода он насчитывает пять более мелких хронологических рубрик: 1) период племенных диалектов и языка племенных союзов с VI по VII в. как «переходный период» «от общеславянского к славяноболгарскому языку»; 2) период установления болгарского языка народности, или «славяноболгарский период», от последней четверти VII в. до середины IX в.; 3) ранний, или собственно древнеболгарский период, от второй половины IX в. до начала XI в.— период, на протяжении которого окончательно утверждается болгарский язык народности и оформляется, в частности, письменный язык; 4) «период сильных языковых взаимодействий» с XI до XII в. и 5) «поздний древнеболгарский период с XIII по XIV в., на протяжении которого, особенно во второй половине XIV в., отмечаются признаки перехода к новоболгарскому».

С XV в. начинается новоболгарский период — период, на протяжении которого получает перевес и утверждается в языке новое качество — аналитический строй. В рамках новоболгарского языка XV в. составляет переходный период, далее следует ранний новоболгарский (от начала XVI до середины XVIII в.) и, наконец, период болгарского национального языка (от середины XVIII в. до нашего времени), в свою очередь охватывающий три «подпериода»: 1) ранний — до второй четверти XIX в., 2) период утверждения «центрально-восточных» говоров в качестве основы болгарского национального языка и 3) период современного болгарского языка — от освобождения Болгарии из-под турецкого ига до настоящего времени.

Такова в кратких чертах схема, предлагаемая Вл. Георгиевым. Некоторые его положения, как нам кажется, совершенно правильны, но некоторые представляются в той или иной степени спорными или же, во всяком случае, требующими определенных уточнений.

Очень хорошо, что Вл. Георгиев ставит вопрос об основном внутреннем законе развития болгарского языка. Постановка этого вопроса своевременна. Как отмечает акад. В. В. Виноградов, «... труд И. В. Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“ побуждает языковедов при изучении истории языка глубоко задуматься над вопросом о соотношении и удельном весе разных законов развития языка, а также над проблемой наличия основного закона развития языка в тот или иной период его истории»³. «Опираясь на изучение конкретных процессов истории того или иного языка в отдельные периоды, языковеды должны решить положительно или отрицательно вопрос о наличии основного закона развития языка в тот или иной период»⁴.

Вл. Георгиев не только ставит этот важный вопрос, но и предлагает определенное его решение. Но это решение вызывает ряд серьезных сомнений. В чем суть самого понятия основного закона? Раскрывая это понятие и имея конкретно в виду основной экономический закон капитализма, И. В. Сталин указывает: «Основной экономический закон капитализма — это такой закон, который определяет не какую-либо отдельную сторону или какие-либо отдельные процессы развития капиталистического производства, а все главные стороны и все главные процессы этого развития, — следовательно, определяет существо капиталистического производства, его сущность»⁵. Очевидно, что в языкознании, говоря об основном законе развития языка в тот или иной исторический период, мы должны иметь в виду такой закон, который определял бы не какую-либо отдельную сторону этого развития (например, развитие одного только грамматического строя языка, или одного только словообразования, или одной только фонетики и т. д.), не какие-либо отдельные процессы этого развития (например, развитие аналитических средств выражения), а все главные стороны и все главные процессы этого развития. Но крайней мере, поскольку грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, основой закон развития языка должен определять все главные процессы развития, наблюдаемые на протяжении известного периода в этих двух областях — в грамматическом строе языка и в его основном словарном фонде.

Очевидно, формулируемый Вл. Георгиевым «закон перехода от синтетического строя к аналитическому» не может считаться основным законом развития языка в ука-

³ В. В. Виноградов, Вопросы языкознания в свете труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и решений XIX съезда КПСС, «Вопросы языкознания», М., 1953, № 1, стр. 8.

⁴ Там же, стр. 9.

⁵ И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1953, стр. 37.

занном смысле слова, так как даже в области развития одного только грамматического строя болгарского языка он далеко не охватывает и не определяет всех важнейших сторон и процессов этого развития.

Совершенно бесспорно, что развитие аналитических средств выражения некоторых грамматических категорий, прежде всего развитие системы аналитического выражения синтаксических связей имени существительного (взамен старой системы флективных падежей), играет важную роль в истории болгарского языка. Широкое использование этих аналитических средств составляет существенное отличие новоболгарского языка от языка средневековой болгарской письменности. Но, наряду с этим, имеется и ряд других, пожалуй не менее важных, различий в грамматическом строе между древним письменным и современным живым (разговорным и литературным) болгарским языком, которые не имеют никакого отношения к развитию «аналитического строя». Это, в частности, развитие членных форм, которые и самим Вл. Георгиевым не зачисляются в группу «аналитических» (см. стр. 78), а по сути должны рассматриваться как элементы «нового синтеза»; это — развитие так называемых «пересказывательных форм» глагола, появившиеся «пересказывательного причастия» и форм особого условного наклонения типа *ядам*; это — развитие нового спряжения глаголов — спряжения стяженных основ на *-а-*, представляющего принципиально новое качество по сравнению со старыми спряжениями с их системой двух основ; это — утрата категории двойственного числа и развитие на ее базе у существительных мужского рода категории количественно-определенной множественности и т. д. Нас не должно смущать то, что некоторые из этих процессов (например, утрата двойственного числа и некоторые другие) находят себе более или менее полные аналогии и в других славянских языках, так как при постановке вопроса о периодизации истории болгарского языка нас должно интересовать не то, что отделяет современный болгарский язык от других современных славянских языков, а лишь то, что отделяет его от средневекового языка болгарской письменности.

В группу фактов, характеризующих грамматический строй современного болгарского языка как строй аналитический, включаются у Вл. Георгиева такие факты, как замена инфинитива конструкцией с *да*, будущее время типа *ще ходя*, исчезновение ряда причастных форм и замена их придаточными предложениями. Следует, однако, заметить, что все эти процессы связаны с сохранением и с широким использованием «синтетических» флективных форм глагола — форм, характеризующихся личным окончанием, так что, например, вместо одной формы старославянского инфинитива *ходитьи* в современном языке имеем шесть форм — *да ходя*, *да ходиш*, *да ходи*, *да ходим*, *да ходите*, *да ходят*. Разве можно безоговорочно подводить подобный переход под формулу «от синтеза к анализу»? Разве не вернее будет сказать, что служебные слова и частицы, участвующие в формообразовании болгарского глагола, не вытесняют флексию, а так или иначе сочетаются, сосуществуют с ней? Уже Б. Цонев подчеркивал, что, говоря об анализе, «...мы в первую очередь имеем в виду падежные формы, склонение, так как спряжение осталось приблизительно таким же, каким мы знаем его еще по древнеболгарскому...»⁶, т. е. синтетическим.

Одним словом, нам представляется, что традиционная формула, безоговорочно приписывающая болгарский язык к «языкам аналитического строя», есть односторонняя и, следовательно, не совсем верная формула. Правильнее говорить не об аналитическом строе болгарского языка в целом, а уже и конкретнее — об аналитической системе выражения синтаксических связей существительного с другими словами в предложении⁷. Но если это так, то вряд ли можно говорить хотя бы даже о «преимущественно-аналитическом» (стр. 80) характере болгарского языка, и уж во всяком случае не следует рассматривать движение от синтеза к анализу как основной закон его развития.

Вообще, может быть, основной закон развития языка следует искать не столько среди частных внутренних законов развития отдельных национальных языков, сколько среди общих внутренних законов развития, действующих в языке как в специфическом общественном явлении, не относящемся ни к разряду базисов, ни

⁶ Б. Цонев, История на българския език, т. II, София, 1934, стр. 454.

⁷ Отметим, что некоторые авторы, имея в виду конкретные факты современного болгарского языка, дают значительно более узкое определение самому понятию «аналитического языка», чем то, из которого исходит Вл. Георгиев в данной статье. Так, проф. Л. Андрейчин в статье «Към въпроса за аналитичния характер на съвременния български език» (журн. «Български език», София, 1952, кн. 1—2, стр. 22) прямо пишет: «Языки, как современный болгарский, в которых синтаксические и смысловые отношения имен существительных в предложении выражаются без помощи падежных форм, называются аналитическими». Такое сужение понятия «аналитического языка» представляется нам несколько произвольным. Но если уж называть болгарский язык «языком аналитического строя», то только в этом, более узком, смысле, который имел в виду и Б. Цонев в приведенной выше цитате.

к разряду надстроек. В этом случае можно было бы говорить, например, об основном законе развития племенных языков, об основном законе развития языка народности и т. д. Так, основным законом развития эпохи становления национального языка можно было бы считать закон обязательного закрепления языка в литературе, обязательной выработки его литературной нормы (со всеми последствиями этого процесса для обогащения лексики и фразеологии языка, для усложнения его словообразовательных приемов, синтаксических конструкций и т. д. — особенно в тех языках, которые не успели выработать литературной нормы на протяжении предшествующего исторического периода своего развития).

Что касается конкретно-исторических причин развития аналитических средств выражения в болгарском языке (как и развития в нем некоторых других «балканизмов», не относящихся к аналитическим средствам), то в этой части положения Вл. Георгиева представляются нам более основательно аргументированными. И все же не следует упускать из виду, что интенсивное развитие «анализа» может происходить и вне обстановки этнических смещений и взаимодействия языков. Так, например, в датском языке анализ развит в гораздо большей степени, чем в болгарском (в датском глаголе, например, полностью отсутствуют формы, которые выражали бы лицо и число подлежащего), хотя сколько-нибудь интенсивного взаимодействия с другими языками здесь не было.

Очевидно, при рассмотрении подобных вопросов надо больше внимания уделять внутренним законам развития данного языка. Автор, правда, и сам призывает к этому и в ряде случаев действительно стремится учитывать внутренние законы развития, ярко проявляющиеся даже в отношении категорий, так или иначе связанных с внешними влияниями. Так, говоря о членных формах болгарского языка (стр. 83), он указывает на то, что позиция члена (его постановка после имени) объясняется внутренними законами развития самого болгарского языка (ср. общеславянские членные формы прилагательных). Но при рассмотрении некоторых других явлений автор, как нам кажется, иногда несколько переоценивает роль внешних воздействий. Так, например, трудно согласиться с предположением о заимствовании болгарским языком частицы *по-*, используемой при образовании сравнительной степени, из романского *piu* (ср. лат. *pius*, итал. *più*), как и с тем, что русские формы *получше*, *поновее* (кстати, широко встречающиеся в русских народных говорах) появились в результате воздействия болгарского языка на русский в эпоху второго южнославянского влияния (стр. 100). Не естественнее ли предположить, что болг. *по-хубав* и русск. *получше* развились независимо друг от друга на основе общего материала, унаследованного обоими языками из общеславянского языка-основы?

Известным минусом периодизации, которую предлагает автор для болгарского языка, кажется нам недостаточный учет в ней того немаловажного обстоятельства, что письменный язык (литературный, церковный, официально-канцелярский), употреблявшийся в средневековой Болгарии, никак не являлся адекватным отражением устного живого народно-разговорного языка того времени. Разрыв между живым языком и языком письменности автор отмечает, в частности, для XIII и особенно для XIV в. Но из факта этого разрыва никаких выводов для своей периодизации он не делает. А между тем в начале статьи он ставит перед собой задачу охватить в своей периодизации «как развитие письменного, так и особенно (разрядка наша. — Ю. М.) разговорного языка» (стр. 73). Ясно, что если в определенных исторических условиях язык письменности не совпадает с народно-разговорным языком, то разрыв окажется и их периодизация. Есть все основания считать, что в живом народном болгарском языке победа элементов нового качества по ряду основных линий (не только по линии развития аналитических средств) определялась не к началу XV в., как в языке письменных памятников (конкретно — в валашских грамотах), а значительно раньше, вероятно уже в XIII в. Иначе были бы непонятны те, пусть еще единичные, но порой весьма резкие нарушения традиционных норм литературного языка, которые проскальзывают время от времени в некоторых текстах даже XIII в., например в боянской надписи (см. стр. 98). Но если это так, то начальный срок «новоболгарского» периода в смысле, придаваемом этому термину автором, должен отодвинуться — поскольку речь идет о живом языке народа — еще на полтора-два столетия.

Отметим, наконец, что отдельные признаки, правда, относимые автором к числу второстепенных признаков новоболгарского языка, встречаются уже в XI в. в языке Супрасльской рукописи (отсутствие окончания *-тъ* в 3-м лице ед. числа настоящего времени, в фонетике — отсутствие «эпентетического» *л* и некоторые другие). Можно думать, что эти признаки были уже изначально, т. е. со времени возникновения диалектных явлений внутри языка-основы, присущи предкам современных болгар. Ясно, что признаки подобного рода вообще не могут учитываться при периодизации народно-разговорного языка, хотя, конечно, появление их в литературных памятниках должно учитываться при периодизации языка литературного.

Не останавливаясь на некоторых положениях, касающихся внутренней периодизации новоболгарского языка [автор сам указывает, что вопросы периодизации бол-

гарского языка после XV в. рассматриваются им «вкратце, почти схематично» (стр. 105)], подчеркнем в заключение, что в целом статья Вл. Георгиева представляет смелую попытку прямой и острой постановки вопроса периодизации истории языка, что она имеет большой принципиальный интерес и для общего языкознания, и для истории болгарского языка. Разумеется, такой сложный и трудный вопрос не может быть разрешен в рамках одной статьи. Но будем надеяться, что рассматриваемая статья и не будет последней на эту тему, что она вызовет определенные отклики, возникнет полемика, в ходе которой многие положения будут существенно уточнены и развиты.

Ю. С. Маслов

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА АКАД. ВЛ. ГЕОРГИЕВА В БОЛГАРИИ *

Доклад акад. Вл. Георгиева «Опыт периодизации истории болгарского языка» был прочитан наряду с другими докладами на научной сессии Института болгарского языка Болгарской Академии наук и филологического факультета Софийского университета, посвященной проблеме «История языка в связи с историей народа» (2—4 декабря 1952 г.). Доклад по вопросу периодизации родного языка привлек особое внимание участников сессии и вызвал оживленное обсуждение. Во вступительной речи «Относительно предмета и задач языкознания вообще и болгарского языкознания в частности» президент Болгарской Академии наук акад. Т. Павлов отметил, что, судя по тезисам доклада Вл. Георгиева, специфика развития болгарского языка состоит прежде всего в закономерности перехода его от синтетизма к аналитизму, названной Георгиевым основным внутренним законом развития болгарского языка. Действительно, эта закономерность характерна для болгарского языка. Однако известно также, что и многие другие языки развивались от синтетизма к аналитизму. Поэтому акад. Т. Павлов высказал сомнение в том, что указанное явление может быть определено как основная черта, как специфический внутренний закон развития болгарского языка. Кроме того, имеется множество синтетических языков, не проявляющих тенденцию к превращению в аналитические. Если бы языковеды рассматривали синтетизм таких языков как основной специфический закон их развития, то было бы неясно, каковы те признаки, по которым эти самобытные языки отличаются друг от друга.

Резюмируя свои соображения, акад. Т. Павлов указал, что формулировка основного закона развития болгарского языка, выдвинутая Вл. Георгиевым, хотя бесспорно и заключает в себе рациональное зерно, но нуждается в дополнительном конкретном разъяснении и обосновании. Приветствуя инициативу института, включившего в повестку сессии вопрос о периодизации истории болгарского языка, президент выразил свое согласие с основным положением докладчика о том, что периодизация истории языка не должна грешить механицизмом — этим основным пороком прежней периодизации, которая не учитывала специфики развития болгарского языка.

На докладе Вл. Георгиева останавливались также многие из выступавших в прениях. Проф. К. Мирчев в своем большом выступлении подчеркнул, что в докладе Вл. Георгиева поставлены наиболее важные вопросы истории болгарского языка. В противоположность проф. С. Б. Бернштейну, который в своей статье¹ не касается качественных изменений в развитии болгарского языка, Вл. Георгиев, по мнению К. Мирчева, стремится установить тот период в его развитии, когда накопленные элементы нового, аналитического качества получают перевес над элементами старого, синтетического качества. Приурочивая этот процесс к XV в., Вл. Георгиев тем самым относит так называемый среднеболгарский период к древнеболгарскому. Отрицание же качественных изменений в развитии болгарского языка с IX в. основано на предположении, что старославянский язык Кирилла и Мефодия не является болгарским языком. Именно в этом — пока не доказанном — предположении и в переоценке фракийско-иллирийского влияния на язык болгарских славян и состоит, по мнению К. Мирчева, самые существенные ошибки статьи С. Б. Бернштейна². К. Мирчев присоединяется

* От редакции. Редакция считает целесообразным сопроводить рецензию Ю. С. Маслова кратким изложением тех откликов, которые вызвала в Болгарии попытка Вл. Георгиева дать новую периодизацию истории болгарского языка. См. «Известия на Института за български език», кн. II София, 1952, где помещены материалы обсуждения.

¹ См. С. Б. Бернштейн, К вопросу о периодизации истории болгарского языка, «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1950, вып. 2, стр. 108—118.

² Ср. сходные замечания по этим вопросам в рецензии К. Горалек: *Sovětská práce o periodisaci dějin bulharštiny*, «Slavia», R. XXI, seš. 1, 1952, стр. 50—62.